

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

1. К этимологии ст.-слав. *коумирь*, -рѣ *ѣѡлов*

Нет оснований для пересмотра существующего мнения, что в древнем и современном русском языке слово *кумир* — церковнославянизм.

В самых древних и первичных переводах памятников старославянской письменности греч. *ѣѡлов* последовательно передавали непереведенным словом *идолъ*, о чем свидетельствуют данные псалтыри (см. Син. пс. ХСVI, 7; СХIII, 12; СХХХIV, 15) и более ранних списков апостола¹ (в евангелиях *ѣѡлов* не встречается). Впервые интересующее нас слово всего один раз фиксируется в Синайском требнике в форме прилагательного (*льсти*) *коумирьсцѣи* (л. 60б, стк. 4—5). В значительном количестве слова *коумирь*, -ирѣ, *коумирьскъ*, *коумирьница*, *коумирслуженик* зафиксированы в Супрасльской рукописи. В этом памятнике греч. *ѣѡлов* лишь один раз передано словом *идолъ* (см. стр. 485, стк. 12, изд. С. Северьянова). В более поздних списках апостола слова *идолъ*, *идолслуженик* и т. д. заменены словами *коумирь*, *коумирслуженик*² и др. Последние слова употребляются в Пандектах Антиоха, Словах Григория Назианзина, списках Пророков Упыря Лихого и т. д.³, словом, в тех памятниках, где отчетливо отражена восточноболгарская редакция. В этом смысле, пожалуй, прав С. Младенов, признающий слово *кумир* праболгарским словом, однако доказательства, приведенные автором, неубедительны (о чем см. ниже).

Следует обратить внимание на то, что в Супрасльской рукописи интересующее нас слово в ряде случаев относится к основам на -*і(ь)*. Так, в форме им. п. ед. ч. оно дважды встречается в написании *коумирь* (33, 15; 138, 24—24), в форме им. п. мн. ч. *коумирне* (*сѣште* — 536, 9) и в род. п. мн. ч. *коумирь* (6, 28). Как показывают данные, слово рано подпало

¹ См.: V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2. Aufl. Berlin, 1913, стр. 308—309.

² Там же.

³ См.: «Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik». Izdajo priredil R. Nachtigal, d. II. Ljubljana, 1942, комментарии к тексту, стр. 156; С р е з н е в с к и й I, стб. 1362 сл.

сначала под влияние основ на *-jo*, о чем свидетельствуют написания в род. п. ед. ч. **коумирѣ** (22, 6; ѣ здесь равно глаголич. **Д**, кириллич. **Ѧ**), в им. п. мн. ч. **коумири** (7, 11), в дат. п. мн. ч. **коумиремъ** (7, 9; 23, 9; 131, 7) и в вин. п. мн. ч. **коумира** (28, 29; 35, 17; 186, 11; 542, 19), а затем и основ на *-o*, о чем свидетельствуют написания в род. п. ед. ч. **коумиръ** (35, 21—22), в дат. п. ед. ч. **коумироу** (33, 10—12), в род. п. мн. ч. **коумиръ** (45, 2), в дат. п. мн. ч. **коумиромъ** (28, 11; 105, 9; 106, 13; 111, 18—19; 116, 5; 126, 30; 127, 8; 130, 19; 214, 6—7) и в местн. п. мн. ч. **коумирѣхъ** (88, 9).

Нет необходимости доказывать, что **коумирь** как существительное основы на *-i* — хронологически первичное, а как существительное основ на *-jo* и *-o* — вторичное, так как обратные случаи перехода имен от последних основ к основам на *-i* в истории не наблюдались.

Наряду с написаниями **коумирь**, **-рѣ** встречаются еще написания **ѣ** вм. **и**, ср. в Толковой Палее по списку 1046 г.⁴: **кумѣри** (им. п. мн. ч., стб. 313, 327), **кумѣры** (вин. п. мн. ч., стб. 245, 246), **кумѣрѣ** (род. п. мн. ч., стр. 388). Чем обусловлено такое написание, сказать затруднительно, тем более что в этом же памятнике 8 раз данное слово встречается в написании **коумир**.

Отметим, что в Супрасльской рукописи и некоторых других памятниках словом **коумирь**, **-рѣ** переводится не только εἰδωλον, но и ἀνδρίας, ἄγαλμα, κίβδηλος, ξάβων, что, видимо, косвенно свидетельствует о том, что слово **коумирь**, **-рѣ** служило для обозначения и живого человека. Как бы то ни было, ясно одно, что первоначально **коумирь**, **-рѣ** обозначало статую или изображение человека. Это подтверждают примеры из Хроники Георгия Амартола⁵:

По Троянѣ црѣствова Андріанъ же и Юли, зать его, лѣтъ .кд. п. ѡтекъ воднымъ троудомъ. оумре. тѣ оуби .ли. темъ жидовъ и постави свои *коумиръ* въ капици и **клины** въселилъ во градъ (стр. 11); По Фодосѣи црѣствова Аркадѣи, снъ его, лѣтъ .гѣ., иже столпъ на соусѣ холмѣ постави, на немже свои *коумиръ* постави (стр. 15); не створиши собѣ *коумира* ни всего подобиа елико различью соущю промежю идолъ... да не створиши собѣ идола ни подобиа, ибо идолъ ни единоа оупостаси не имат(ь); подобьк же чьк **късть** *коумиръ* и зракъ, зане оубо **клини** съзидают не соущаа **образы** сършенемъ и осамъ и строукоу, а **Югоунтлане** псыа лица и волоуа главы, идолы наричют

⁴ См.: Палее Толковая по списку, сделанному в г. Коломпе в 1406 г. М., 1892.

⁵ См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920.

не соущих подражанїи (стр. 64); (Гаи) по подобію ꙗчю себѣ створи ба и коумирѣ въ свои ѡбразѣ по всѣмъ градомъ и црквамъ пославъ постави (стр. 224).

Какъ видно изъ приведенныхъ примеровъ, имелась разница въ значеніяхъ между *идолъ* и *коумиръ*, последнимъ словомъ обозначали то, что нынѣ называютъ памятникомъ. Но позже все больше и больше смешивались значенія этихъ словъ. Поэтому въ летописи подъ 980 г. записано: Постави Перуна *кумиръ* надъ рѣкою Волховомъ (Новг. I лет. младш. извода л. 44 об.). Тут *кумиръ* воспринимается въ значеніи 'статуя'.

Если ясенъ источникъ слова *идолъ* < греч. εἰδωλον, то этимология *коумиръ*, -рѣ до сихъ поръ бесспорно не выяснена. Ф. Миклошич⁶ и Э. Бернекер⁷ не приняли распространеннаго Ф. Рейфом⁸, К. Гротом⁹ и некоторыми другими мненія о зависимости интересующаго слова отъ финскаго *kumartaa* 'поклоняться', 'почитать'. Въ самомъ деле, какъ объяснить проникновеніе финскаго слова (сравнительно поздно, видимо, не ранее VI—VII вв. н. э.) на Балканскій п-овъ, откуда черезъ памятники старославянскій письменности восточноболгарскій редакціи оно распространилось на Русь? Какъ объяснить образованіе именно *кумиръ* въ значеніи 'идолъ', 'истуканъ' отъ финскаго глагола *kumartaa* въ значеніи 'поклоняться'? Правда, А. Преображенскій пытается объяснить это такъ: «то, чему кланяются»¹⁰. Но и при этомъ остается неяснымъ, какимъ образомъ финское -ar въ славянскомъ стало звучать какъ -ур- или -ѣр-.

С. Младеновъ, какъ отметили выше, *коумиръ* объявилъ праболгарскимъ словомъ. Въ доказательство приводятся сир. *kumrā* 'жрецъ', арм. *k'urm* 'идолослужитель', фин. *kumartaa* 'кланяться'. Все они, по мненію автора, восходятъ къ семит. **kumrā*, откуда и приведенное армянское, а равно и праболгарское слово¹¹. При этомъ бросается въ глаза, что такъ называемое праболгарское слово, въ отличіе отъ его источника, обозначаетъ не того, кто, возможно, служитъ идоламъ, а самого идола. Помимо этого, съ точки зренія словообразованія и фонетическихъ измененій праболгарское **kūmeri* никакъ не можетъ быть выведено изъ **kumrā*, поскольку по закону тюркескаго сингармонизма во второмъ слогѣ не можетъ появиться звука *i*, даже если въ начальномъ слогѣ звучало бы не *ū*, а *u*, ср., например, чуваш. (потомковъ болгар)

⁶ См.: Miklosich, стр. 147.

⁷ См.: Berneker, стр. 644.

⁸ См.: Ф. Рейф. Русско-французскій словарь I. СПб., 1835, стр. 477.

⁹ См.: К. Грот. Филологическіе разысканія, т. II. СПб., 1876, стр. 435.

¹⁰ См.: Преображенскій I, стр. 412.

¹¹ См.: С. Младеновъ. Мнимите фински думи въ български езикъ. — «Сборникъ въ честъ на Иванъ Д. Шишмановъ». София, 1920, стр. 87 и сл.; Младеновъ, стр. 262.

кўмеркке (-*кке* — аффикс) 'объем', 'туловище', 'куча', *кўмеркеллѣ* 'толстый', 'объемистый'¹². Если же допустить, что первоначально *kimrā* заимствовано славянами, то и в этом случае слово с точки зрения морфологической остается неясным ввиду отсутствия в славянских языках суффикса *-ir*. Тем более трудно предположить, что из *kimrā* могло получиться славянское существительное, включившееся в группу основ на *-i(ь)*.

Таким образом, и после работ С. Младенова этимология *коумирь*, *-ръ* остается неясной.

«Значение делает затруднительным также толкование из осет. *gumīr* 'великан' от библ. *Gomer* (Вс. Миллер, по Горяеву ЭС. 174)», — пишет Фасмер¹³. Осетинское *gumīry / gumeri, gæmeri* 'великан', 'дубина', 'идол'¹⁴, как видно, имеет и тождественное со ст.-слав. *коумирь* значение 'идол'. По мнению В. И. Абаева, «совпадение значения 'идол' в русском и осетинском объясняется, вероятно, влиянием русского на осетинский через переводы церковных книг»¹⁵. Но наличие осетинского 'дубина' со значением 'неотесанный, тупой человек' не исключает развитие значения 'идол' в самом осетинском.

В. Абаев допускает, что ст.-слав. *коумирь*, *-ръ*, по-видимому, связано с осетинским. Невозможно допустить, чтобы ст.-слав. слово было прямым заимствованием осет. *gumeri* или *gumīri*, так как при этом в славянском обязательно сохранилось бы начальное *g*. Но вполне вероятно, что алано-осетинское слово принесли на Балканский п-ов болгары так же, как и *печать*—*печатльѣти*¹⁶, *кѣнигы*—*кѣнигыни*¹⁷. В ст.-слав. *коумирь*, *-ръ* невозможно выделить ни корня, ни суффикса. Слово это воспринимается только как единое неразложимое целое, что является доводом в пользу заимствования его из другого языка. Нахождение этого слова в группе существительных с основой на *-i(ь)* можно объяснить восхождением его к алано-осет. *gumeri, gumīri*. В болгарском приведенное алано-осет. слово под воздействием закона сингармонизации могло звучать только как **kūmeri* (видимо, с конечным ослабленным *i*). Дело в том, что в чувашском исторически бывшие конечные ослабленные гласные отпали¹⁸. Это подтверждается чуваш. *кўмеркке* (если даже оно не из алано-осет. *gumeri*, а род-

¹² См.: «Чувашско-русский словарь». М., 1961, стр. 185; Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. VII. Чебоксары, 1934, стр. 74.

¹³ Vasmer I, стр. 692.

¹⁴ Абаев I, стр. 530.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. об этом: А. С. Львов. Старославянское *печать* — *печатльѣти*. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 93 сл.

¹⁷ См.: Вегнекер I, стр. 664.

¹⁸ См.: Г. Е. Корнилов. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка. — ВЯ, 1964, № 4, стр. 99 сл.

ственно с осм.-тюрк. *gūtūr* 'пухнуть'¹⁹, см. выше), но наличие в чуваш. значения 'туловище' вполне согласуется со значением слова **коумирь** 'статуя', 'образ человека' (см. выше).

Булгарское *к* (слабосмягченное, если исходить из данных чувашского языка) в славянском могло произноситься как *к* (твердое), после чего булг. *й* должно было звучать как *и* (*y*). Далее, ввиду отсутствия корреляции *и—е* в славянском последний звук естественно должен был произноситься как *і* (написание **коумѣрь**, по-видимому, явление позднее, появившееся под влиянием слов на -**мѣрь**, типа: **лицемѣрь**, **дѣломѣрь**, **зеллемѣрь** и т. п.).

Говоря иначе, с точки зрения фонетической нет препятствий для признания, что ст.-слав. **коумирь** восходит к алаано-осет. *gumeri*, *gumīri* через булгарскую передачу как *kūmeri*. Фиксация слова только в восточнобулгарских редакциях памятников старославянской письменности укрепляет нас в мнении, что **коумирь** могло попасть к славяно-болгарам из языка тюрко-болгар. Поскольку словом **коумирь** переводились многие греческие слова (см. выше), то вероятно допущение, что первоначально **коумирь** в своей семантике было близко к алаано-осет. *gumeri* в вышеприведенных его значениях в осетинском, особенно, нам кажется, примечательно чуваш. *kūmerkke* в значении 'туловище'.

Как известно, из существительных мужского рода к основам на -*і(ь)* относились немногие слова²⁰, притом они были неустойчивы в том смысле, что легко подвергались влияниям основ на -*jo* и даже на -*o*. Помимо этого, заимствованное слово в смысле пребывания в том или ином типе склонения оказывается особенно неустойчивым. Так, **печать**, первоначально относившееся к основам на согласный, подвергалось влиянию основ на -*і(ь)* и -*jo*, пока оно не утвердилось в основах на -*і* женского рода²¹. То же, как видели, происходило со словом **коумирь**, которое, переходя из основ на -*і* к основам на -*jo* и -*o*, впоследствии утвердилось в последней группе существительных.

Итак, приведенные данные склоняют к мысли, что ст.-слав. **коумирь**, -**рь** восходит к алаано-осет. *gumeri* / *gumīri* через тюрко-болг. передачу в виде **kūmeri*, которое в славянском закономерно дало вначале **коумирь**.

¹⁹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 2. СПб., 1899, стб. 1653.

²⁰ Список слов, относившихся в ст.-слав. к основам на -*і(ь)* см.: С. М. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Пг., 1915, стр. 54 сл.

²¹ См.: А. С. Лвов. Старославянское *печать* — *печать*кѣти.

2. Еще раз об этимологии *очень*

В нашей статье «К истории слова *очень*»²² утверждается, что форма *очень* получилась из более ранней *очунь* в значениях 'дурно', 'чрезвычайно', 'весьма'. Форма же *очунь* рассматривается как наречие, образовавшееся от глагола *очунѣти* по типу *вспасть* от *вспасти* и т. п. В связи с этим определенные затруднения вызвали объяснения формы глагола *очунѣти*, а также прилагательного *очунной* и наречий *очунно*, *оченно*.

Хотя нет оснований отказываться от выводов, к которым пришли в названной статье в части семантической и фонетической, но справедливость требует признания, что в этой работе автору не удалось разобраться до конца в истории слова *очунь* > *очень* с точки зрения словообразования.

Как выясняется, по происхождению *очунь* — не отглагольное наречие, а имя существительное, образовавшееся присоединением суффикса *-нь* к глагольной основе *очу-(ти)* по тому же типу, что и *дань* от *да-(ти)*, *тѣкань* от *тѣка-(ти)*, *брань* 'узор' от *бра-(ти)* 'вышивать', *боронь* от *боро-(тися)* и т. д.

Ряд подобных существительных имеет параллельное образование с суффиксом *-ть*, ср. *дать* (в *по-дать*)—*датьё*, *стать*, ср. *стан*, *чуть*—*чутьё* и др. Наряду с *очень* < *очунь* имеется и *очутью* (тв. п. ед. ч. от *очуть*) 'внезапно', 'невесть откуда'²³.

Первичность *очунь* как существительного доказывается еще тем, что от него образовалось прилагательное *очунной* 'дурной', приведенное в упомянутой статье из послания Ивана Грозного в Кириллово-Белозерский монастырь около 1578 г.²⁴

Наличие *очунѣти* показывает, что этот глагол отыменный, образовавшийся от *очунь*, так же как *умѣти* от *умъ*, *цѣлѣти* от *цѣлъ*, *болѣти* от *боль* и т. д.

Существование самостоятельного глагола *очути*, от основы которого образованы как *очуть* (см. выше), так и *очунь*, свидетельствуется наличием глагола *очунути*, представляющего такое же отношение к *очути*, как и *достигнути* к *достичь*, *рванути* к *рвати*; *стану*, *станетъ* (форма инфинитива *станути* не зафиксирована) к *стати* и т. д. Несомненно также, что современное *очутиться* является вторичным отыменным глаголом от *очуть*.

Наконец, именная функция *очунь* > *очень* еще заметна в следующих примерах: Читателю повѣрь мнѣ, что я не *очунь* пишу, но самъ то очима своима видѣлъ²⁵; Впрочем, не осудите, с досады

²² А. С. Львов. Из лексикологических разысканий. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР» X. М., 1956, стр. 68 сл.

²³ См.: Даль II, стр. 777.

²⁴ А. С. Львов. Из лексикологических разысканий, стр. 70.

²⁵ «Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». М., 1647, стр. 29 об.

иной раз, как о ребятах вздумаешь, *очень* что-нибудь скажешь. Детей жалко (Лесков, Печерские Антики).

Таким образом, становится ясным, что *очунь* > *очень* как наречие — явление вторичное, при этом, надо полагать, первоначально оно в речевой практике было таким же, как, например, современные *страх*, ср.: Ух, и красивый же был парубок этот Опанас, *страх* красивый (Короленко, Лес шумит); *жаль*: *Жаль* братца, да лететь охота велика (Крылов, Два голубя); *пора*: Прощай, Онегин, мне *пора* (Пушкин, Евгений Онегин) и т. п. Позже, когда *очунь* как существительное вышло из употребления и, кроме того, в среднерусских говорах изменилось в *очень* [очьн’], с того времени оно, полностью перейдя в разряд наречий, потеряло первоначальные генетические связи.